

Оксана Обухова

Боже мой, какая прелесть!

Часть первая

Глава 1

Боже мой, какая прелесть!

Он тоже принял меня за дуру.

Сновал возле помятого бампера моего слегка поношенного «рено», звонил куда-то по телефону и кудахтал над разбитыми фарами так, словно не машину мне разбил, а сломал куличек в песочнице. Картинно огорчился и сочувственно причмокивал.

Я продолжала сидеть за рулем, смотрела в раскрытые ворота и мысленно считала до ста.

Сосед суетился вокруг моего багажника и своего капота, громко подсчитывал убытки и, судя по его кудахтанью, выходило так, что во всем виновата я одна. Это я выехала задним ходом из ворот на дорожку, не заметила его мерина и вложилась от всей души.

Мысленный счет дошел уже до шестидесяти пяти...

Сосед решил, что я впала в ступор, и полез в салон через открытое окно, кажется в самом деле собираясь погладить по головке.

Точно за дуру принял.

подавая задом из ворот, я отлично видела его машину. Мерин вильнул мне наперерез и прицельно ударил в бампер. Совершенно неожиданно и очень метко.

Смысл маневра я разгадать не смогла и в какой-то момент даже решила, что дяденька из коттеджа напротив решил нетривиально познакомиться, подстроив ДТП тысяч эдак на пять зеленых...

Оригинально, блин.

Дяденька — через окно — тянулся к ключам с брелком сигнализации, намереваясь разблокировать двери, и попутно убеждал меня успокоиться.

— Сашенька, Сашенька, ничего страшного не произошло, — пыхтел над ухом. — Машинки мы починим, не надо так переживать...

Девяносто восемь, девяносто девять, сто!

Горловой спазм словно по заказу отпустил связки, и теперь — очень на это надеюсь! — я смогу разговаривать нормально. Не пищать, как придавленная веником мышь, а беседовать с томным достоинством и убежденностью в собственной правоте.

— Анатолий Андреевич, — вступила я и тут же заткнулась. Вместо томного достоинства из горла неслись разобиженные мышинные рулады.

Вот ведь наградил Создатель! В минуты

душевного волнения нелепый спазм стискивает горло, и самое праведное негодование извергается из него малоубедительным попискиванием в стиле крошки Мини, подруги Микки-Мауса.

А кого, спрашивается, такими трелями напугаешь?! И даже убедишь.

Сосед подумал, что мышка собралась отчаянно расплакаться, и таки погладил ее, то есть меня, по голове.

— Ну-ну, Сашенька, не надо огорчаться. Железо, оно и есть железо...

Действительно. Не морду же расквасили. А только убытков на несколько тонн зелени подкинули.

Доказывай теперь, что не верблюд, что, пятясь задом из ворот, выезжала аккуратно и соседскую машину видела. Разъехаться мы могли. Но по какой-то необъяснимой причине «поцеловались» чересчур сердечно.

И как назло, ни одного свидетеля поблизости! Никто не прогуливается по единственной улице нашего коттеджного поселка, никто не проезжает и не глазеет из ворот на происшествие. Вымершая пыльная улица отдыхала от июльского зноя в совершеннейшем одиночестве.

Я извлекла из розовой сумочки со стразами голубенький мобильный телефон. Молча выбралась из машины и произнесла — хвала Создателю! — с

требуемым достоинством:

— Надо вызывать страховщиков, — наморщила гладкий лобик, печально надула розовые губы и щечки и ударила коготком по клавише.

Сосед Анатолий Андреевич, в отличие от меня, повел себя нестандартно. Накрыл большими мягкими ладонями мою руку с зажатым мобильником и ласково сказал:

— Ну-ну, Сашенька. Зачем кого-то вызывать?

Мы соседи, мы взрослые люди, мы сами разберемся. Правда?

Волна нехорошего, очень нехорошего предчувствия прокатилась от его тяжелых рук по всему телу; я подняла глаза на раскрасневшегося мужчину и мысленно прикинула возможные варианты развития ситуации.

Денег у меня нет. Я молодая, новоиспеченная вдова, и об этом знает весь поселок. Если лукавый Анатолий Андреевич решил развести меня на бабки, последовательно поставить на счетчик и оттяпать дом и участок...

Но на примитивного бандита, промышляющего подставами на дорогах, сосед Коновалов никак не походил. Он походил на сытого кота, поймавшего в мягкие лапы перепуганную мышь.

Так, может быть, знакомство? Завязанное на

общих неприятностях и деньгах...

— Я немного знал вашего покойного супруга, — кудахтал тем временем Коновалов. — Весьма достойный человек был Дмитрий Павлович, царствие ему небесное... Зачем же нам — соседям! — лишняя волокита? Пойдемте в дом... Выпьем чего-нибудь успокоительного... Я позвоню своим ребятам, они все уладят.

— В смысле? — Я насторожилась, вспомнив основное правило автолюбителя «никогда не покидай места ДТП, потом проблем не оберешься». — Как — уладят?

— Да не переживайте вы, Сашенька! — с насмешливой ласковостью воскликнул сосед. — Приедут подчиненные, расцепят наши машинки... Все уладят, все починят! — Тягучим, плавным движением Анатолий Андреевич выудил из моих пальцев сотовый телефон и зажал его в кулаке. — Не надо никуда звонить. Мы все решим быстро и полюбовно. Точнее — я решу. — И мелко так, противно захихикал: — Зачем уподобляться блондинке за рулем из пошлых анекдотов?!

Удар прошел ниже пояса. Чисто внешне я сто процентно попадаю под типаж из анекдотов про блондинок.

Но вот пardon. Милейший Анатолий Андреевич понятия не имел, что десять лет я была лучшим распасовщиком неплохой волейбольной

команды. И периферическое зрение имею не хуже поднятого перископа подводной лодки. Я «поле» вижу — профессионально!

И я уверена — он сам подставил «мерседес» под бампер «рено». Вильнул. Причем на скорости. Целенаправленно и метко.

Я выезжала аккуратно, его машину держала в поле зрения, губ за рулем не подкрашивала и по телефону не болтала. Мы были обязаны разъехаться. Если бы он не бросил машину наперерез.

— И все же, Анатолий Андреевич, нам надо вы звать страховщиков, — сказала я твердо.

Что бы там ни замыслил лукавый сосед — познакомиться поближе или напакостить, — подобные проблемы стоит разрешать в установленном порядке, а не в обход.

— Сашенька, — пропел имя лукавец и, когда я протянула руку за телефоном, спрятал его за спину. Как конфетку от капризного ребенка.

Ну точно за дуру держит!

— Анатолий Андреевич, — упорствовала я, — эту машину я собираюсь продавать. После аварии она и так сильно упадет в цене...

— Сашенька! — перебив, воскликнул Коновалов. — Ни-ни! Ни в коем случае! Я все расходы возьму на себя!

Да что тут происходит, в конце концов! Что за

цирк!

Я оглядела пустую жаркую улицу — никаких «скрытых камер» из смешных передач поблизости не наблюдалось. Длинная вереница разномастных заборов, крепкие железные ворота, и даже собаки лаять перестали.

Поселок у нас небольшой. Всего в одну длинную улицу. Застраивался он еще в дорублевскую эпоху и считался престижным только по месторасположению поблизости от Москвы. Автострада нас редко радовала пробками, езды от МКАД набиралось не более двадцати минут. Но нет ни леса, ни реки. Поселок в чистом поле.

Метрах в пятидесяти от двух наших машин под пыльным кустом сирени дремала бесхозная собака. Дневная жара, только-только сменяемая вечерней прохладой, умурила псину, и та, полюбовавшись какое-то время бестолковой человеческой суетой, вновь положила морду на вытянутые лапы.

Н-да, что и говорить, сонную собаку в свидетели ДТП не возьмешь.

Я перестала корчить из себя гранд-даму, натянула на личико любезную Анатолию Андреевичу личину обиженной девочки-переростка и мило просюсюкала:

— Ах. Прямо не знаю.

Какая прелесть. Он повелся тут же. Схватил

меня под локоток и, как больную куклу, поволок в раскрытые ворота ближе к дому:

— Пойдемте, Сашенька, пойдемте. Выпьем кофейку, дождемся моих ремонтников... Все будет хорошо, все будет в порядке. Машинку вам подремонтируют, а в остальном... мы тоже порешаем...

Давайте ключи, я дом открою...

Я грустно всхлипнула и позволила провести себя сначала по крыльцу, потом в гостиную. Передвигала длинные ножки, украшенные босоножками с бабочками, и позволяла руководить привычно и умело, поскольку стопроцентно попадала не только под типаж «блондинка за рулем и в жизни», но и абсолютно соответствовала роли милой незащищенной девочки.

Покойный Дима-муж находил сей облик бесподобным. Окружающие мужчины тоже редко могли противостоять притворным слабостям.

— А у вас мило.

Мой неожиданный гость стоял под объемной хрустальной люстрой в центре гостиной и озирался с самодовольной приязнью истинного барина.

Я оглядела гостиную своего заложенного-перезаложенного дома и вздохнула. Я тоже находила его милым.

— Я бывал здесь раньше, — признался барин. — Но теперь... с вашим появлением дом

приобрел истинный блеск. Вы умница, Сашенька. Все так уютно.

Огромная стометровая гостиная занимала почти весь первый этаж дома. Я поснимала со стен и продала все картины, восхитительный шелковый ковер ручной работы заменила ковриком попроще в тех же тонах (красавица люстра печально дожидалась той же участи), мою поддельно-антикварную мебель уже навещал оценщик, сервизы все распроданы...

И где тут, спрашивается, истинный блеск?!

Остатки прежней роскоши. Не более.

На месте каминных часов времен кого-то из Людовиков сидела плюшевая собачка; вазу эпохи Минь (не совсем уверена, что именно означенной эпохи) заменил букет георгинов из собственного сада в хрустальной вазе моей мамы.

Может быть, Анатолий Андреевич извращенец? Или вкусы у него плебейские? Где он тут блеск разглядел?!

Впрочем, выглядел барин весьма довольным и почти искренним.

И если я пойму, чем может быть доволен мужик, только что разбивший две машины, то, можно считать, тайн в этой жизни для меня не будет.

Но пока на ум приходило только одно объяснение: Андреевич поцапался с женой и решил

приударить (какой изящный каламбур — конкретно приударить бампером!) за вдовствующей соседкой. Заинтересовать ее в «дружбе» материально и привязать деньгами и ремонтом.

— Я сделаю вам кофе? — растерянно мяукнула я, то ли предлагая, то ли спрашивая разрешения.

— Буду признателен, — расцвел улыбкой на фоне георгинов гость. — Я пригласил бы вас к себе, Сашенька, но... — Андреевич самодовольно развел руками, — временно холостякую. Раечка в отъезде, а дома... такой бардак, право слово!

Ах вот оно в чем дело! «Раечка в отъезде».

Кобель плешивый. Отправил Раю на курорт, а сам амуры строить!

Деньги, что ли, лишние, удивилась я мимоходом. Пришел бы по-соседски. Просто. Зачем машины-то уродовать?!

Впрочем, не мое это дело. У богатых свои причуды.

Я повернулась к гостю спиной и отправилась на кухню, обозначенную в гостиной небольшим подиумом и плавным арочным сводом.

Зарядила кофейный аппарат, достала из шкафчика самый приличный остаточный сервиз на две персоны и покосилась на угловую застекленную горку. Не потому, что опасалась узреть в госте маньяка-насильника и получить в

затылок удар керамической пепельницей. А потому, что, как каждая приличная девушка, почти автоматически ловлю свое и чужое отражение на всех полированных поверхностях. На хромированном боку кофейного аппарата, на черной глянцевой поверхности духового шкафа, повешенного на стене, на всех застекленных дверцах...

У нас, у красивых девушек, так принято. Видеть себя и кавалера за спиной. А я ведь — помните? — не только симпатичная вдова полугодовой выпечки, но еще и лучший центральной волейбольной команды. «Поле» держу совершенно рефлекторно.

...Анатолий Андреевич, поглядывая в мою сторону, вдруг резко сорвался с места. Подскочил к длинной тумбе с напитками и схватил с нее деревянный прямоугольник старинных — но, увы, не слишком дорогих — часов с позолоченным истертым циферблатом.

Посматривая в мою сторону, гость поколдовал со стрелками и... перевел их на двадцать минут назад.

Поставил часы на место и в три прыжка вернулся назад под люстру. Принял картинную позу и замер, переводя дыхание.

Я на секунду окостенела. Потом незаметно повернула голову и сделала вид, что очень увлечена

кофеваркой.

Из носика, пофыркивая, извергался кофе. Я тупо поменяла чашечки и попыталась разгадать очередную шараду навязчивого гостя.

Вначале он подставился под мой «рено». Тут сомнений нет.

Потом отобрал мобильный телефон и напросился выпить успокоительного. Здесь тоже ничего спорного.

Теперь — меняет время. И появляется вопрос: зачем?

— Сашенька, — раздался голос, — а позвольте, я коньячка себе налью?

— Чувствуйте себя как дома, Анатолий Андреевич, — отозвалась я, сознавая, как предательски пищит голос.

«Так, Александра, успокойся. Мужик элементарно сдрейфил. Сел пьяненьким за руль. Разбил машины. Не позволил вызвать страховщиков. Вывод: «лакирует» старый алкоголь свежевывпитым коньяком».

Логично?

Очень.

Но зачем переводить часы?!

Неужели думает, что, напоив его кофе, я все же вызову ГИБДД, и подстраивает алиби?! Мол, выпил, да, но позже.

Но при чем здесь исправленное время?! Я

ничего не понимала. И где-то должен быть подвох...

Я составила чашки на поднос, добавила к сервизу нарезанный лимон и уверенным шагом опытной манекенщицы спустилась с «подиума» в зал. Точнее, в гостиную на дешевый ковер массового производства.

Мой гость стоял у кожаного дивана и держал на весу два наполненных бокала.

«Неужели напоить решил?! Вызвать потом ГИБДД и доказать наглядно: пьяная курица мне мерс разбила и платить не хочет?!»

Думая о самом гадком, я грациозно склонилась над столиком (продемонстрировала беззащитное декольте) и, как только переставила чашечки на салфетки, буквально тут же, получила в руки фужер.

— За нашу случайную встречу! — провозгласил сосед. — За знакомство! Давайте запомним эту минуту!

Что за вздор? Я два года с Андреевичем раскланиваюсь у ворот, близкого знакомства не поддерживаю и запоминать мне, точно, нечего.

Да, мы не ходили прежде друг к другу в гости. Не посылали к праздникам корзины с подарками и открытками. Но мы — знакомы! Уже два года!

— Бывают в жизни знаменательные события, — продолжал пороть чепуху

ненормальный гость. — Случаются знамения, поверьте. И хочется надеяться, что наша встреча — нелепая случайность! — будет именно таким предвестием долгой-долгой дружбы. — Толкая речь, он подобрался к деревянным часам на тумбочке, чокнулся с ними бокалом и наконец поставил точку: — За эту минуту, за счастливое предзнаменование!

Выслушивая нелепый и высокопарный тост — подобного бреда, пожалуй, лет пять не слышала, — я глубокомысленно посмотрела на гостя, едва не обнимающего деревянный гробик часов. Следуя логике недавних событий, вывод напрашивался сам собой: ударом стекла о дерево Анатолий Андреевич собирался зафиксировать в моей памяти расположение стрелок. Двадцать минут восьмого.

Вот только зачем?

Я потупила голубые глазки в пушистых ресницах и поболтала коньячком в бокале:

— Простите, Анатолий Андреевич, я не пью.

— Совсем?! — опешил гость.

— Только кефир и воду, — вздохнула я и поставила фужер на низкий стеклянный столик возле дивана и кресел.

Сосед Коновалов огорченно покосился на тумбу с выставкой спирто-содержащих жидкостей и выдавил усмешку:

— Тяжело поверить.

— Это гости носят, — доверчиво проинформировала я. — Приезжают, привозят, много остается... Коньяк так вообще от Димочки остался...

При упоминании имени покойного хозяина дома гость согнал ухмылку с лица и высказался соответственно обстоятельствам:

— Ах да. Дмитрий Павлович. Хороший мужик был.

«Хороший мужик» довольно редкая аттестация моего мужа. Димасик был душкой, милым проказником, но никак не МУЖИКОМ. Когда в тренажерном зале он увидел, что у будущей жены жим лежа на двадцать килограммов больше, чем у него, расстроился смертельно.

— Ты, Саша, сюда больше не ходи, — сказал он тогда огорченно и понуро. — Тут плятятся. А ты... такая куколка и лапушка, что я ревную.

Врал мой любезный. В раскрученный тренажерный зал он привел меня как раз для того, чтобы пялились. Похвастался. Красавицей невестой с внешностью нежнейшей Барби.

А Барби легла под штангу и взяла вес без всяческих усилий.

Но Димочка-то надеялся учить! Покровительственно улыбаться и показывать, как блины на железную палочку надеваются. Я вся такая — внешне — эфемерная, нежно-кукольная,

неземная. Не девушка, в те времена двадцати четырех лет, а мечта педофила.

Вот только рост немного подгулял. Для роли нимфетки ста восьмидесяти сантиметров — многовато.

Впрочем, познакомилась я с Димой сидя. Он пробежал по коридору модельного агентства, зацепился взглядом — по его словам — за белокурую прелесть, скучающую в кресле возле кабинета директора.

Я лениво листала журнальчик, на посетителя в приличном деловом костюме стойку категорически не делала и тем произвела впечатление.

Димасик по-свойски зашел к самому в кабинет — шеф отсутствовал, — покрутился перед моим опущенным в журнал носом, мелькая ботинками за тысячу евро, и начал болтать с секретаршей, прикладывая ее «дорогушей».

Я сидела прочно, как обросший мхом булыжник, и на мельтешение ботинок, перстня, костюма, речей внимания не обращала.

Относительно Димы, большого поклонника начинающих моделек, меня давно проинформировали приятельницы по агентству. Подобные бонвиваны не мой типаж. Я выросла среди спортсменов. Лысеющие дяденьки с пузиком, свисающим над тонкими, кривоватыми ножками, которых не скрыть ни одним английским покроем

брюк, в сферу моих интересов еще не входили.

Я только-только завязала с волейболом из-за застарелой травмы колена, только-только начала получать первые приглашения на фотосессии, и жизнь казалась едва приподнимающейся из руин, обрушившихся на поле волейбольной площадки. Я берегла начало новой жизни и мудро стереглась от авантюр с лысеющими дядьками. Ночами мне еще снились судьи на вышках, а не бармены в кабаках... Я только начинала и принохивалась, осторожно пробиралась по неизведанным дебрям и поглядывала на жирных селезней из камышей, не влезая в драки за толстые кошельки. В душе моей тогда жил спорт, а не азартная охота.

О Диме я забыла, едва он вышел из секретарского предбанника. Перед самым уходом он склонился к секретарше и, видимо указывая на меня, шепнул полувопросительно и слегка надменно:

— Случайный человек...

Тут Дима ошибался. В модельный бизнес я попала не случайно. Меня всегда охотно фотографировали для статей в спортивных изданиях, несколько раз я бывала «лицом» турниров, и приглашение попробоваться в качестве фотомодели для рекламы спортивных товаров приняла легко. Улыбаться на фоне снарядов в приличных костюмах для отдыха или фитнеса мне

показалось работой непыльной и прибыльной.

Чуть позже, когда примелькалась спортсменам, переквалифицировалась в модели для подростковых журналов. Любая шмотка — мечта тинейджера — смотрелась на мне великолепно. Милое детское личико и недетская работоспособность без капризов позволяли фотографам лепить из меня что угодно. На фотографиях я выглядела девочкой-резвушкой без признаков анемичности и в этой сфере модельного бизнеса имела определенный спрос. Позировала в ярких сарафанах и джинсовых комбинезонах, под шляпками-панамками и с леденцами за щекой, в компаниях подростков и соло.

...Второй раз, когда по тому же коридору пробежал Дима, я сидела в том же кресле, но уже грустила. За полчаса до этого фотограф Леша мне сказал:

— Копец, Санька. Скоро под тебя свет придется специально выставлять.

Я в тот день позировала вместе с группой настоящих школьниц.

— Еще чуть-чуть — и скулы заострятся, начнут выдавать возраст. Думай, детка, куда кости кинуть. Подростковую делянку ты уже отработала.

— Совсем-совсем?!

— Ну-у-у, — прищурился Леша. — Слегка протянешь. Но недолго. По «языку» шагать не

пробовала?

— Для подиума у меня колено болит, — едва слышно призналась я. — Шаг не идет...

Леша потрепал меня по щеке и смущенно предложил:

— Может, подтянешь?

Какая ерунда! Мне нечего подтягивать! Я выгляжу моложе, а не старше!

Но Леша профи, ему видней. И от его слов страшно стало так, что аж живот свело.

Опять все заново! Прорываться сквозь плотные ряды моделей другого возрастного ценза, зубами выдирать заказы для журналов...

Нет, поздно. Мое лицо для «Вог» не тянет. Я — девочка-резвушка с гладким карамельным личиком. Во мне от вамп ни грамма. А на невинных перестарков с чупа-чупсом за щекой мода еще не пришла. И вряд ли доберется...

Крайне опечаленная, я снова сидела в кресле перед директорским кабинетом. Мимо снова пробежал Дима, демонстрируя ботинки-перстень-часы-мобильник, но я опять на него не реагировала. Теперь, впрочем, совсем по иной причине. На душе было так скверно, что никакой пузан на тонких ножках, как мне казалось, улучшить самочувствие не в силах.

Но я ошиблась.

— Сашенька, — присаживаясь на

подлокотник широкого кресла, сказал пузан, — мне кажется, еще чуть-чуть, и вы заплачете...

— Так заметно? — вздохнула я.

— Да. А что случилось?

— С фотографом поссорилась, — немного приврала я.

— Ну, это пустяки, — покровительственно пробормотал Дмитрий и покосился на часы. — Хотите кофе? У меня есть минутка, но нет компании. Если вы мне ее составите, буду счастлив.

Компания и кофе мне были необходимы больше, чем кому-либо. Директор умчался куда-то из офиса и обещал вернуться через час, я приняла приглашение — и увидела своего директора только спустя два месяца на нашей с Димой свадьбе. Нечаянный кавалер стремительно сделал предложение не только на кофе; я думала недолго, недели две держала марку и «да» сказала, только получив обручальное кольцо с бриллиантом.

Позже этот бриллиант оказался фальшивым.

Но это — позже. А вначале — красивое ухаживание, цветы, конфеты и даже робость. Дима смотрел на меня так, словно получал от лицецерения моей персоны возвышенно-эстетическое наслаждение.

С самой первой минуты я взяла правильный тон. И до сих пор задаюсь вопросом: почему? Почему вдруг начала изображать то, чего собой не

представляю?

Притворства в принципе я не выносила. Фотографы любили со мной работать потому, что, привыкшая к спортивной дисциплине, но еще не «звездившая», я относилась к их просьбам как к приказам тренера. Тяни носок, говорил Леша. И я тянула с полной самоотдачей. Веселей, веселей, Сашенька, задорней — ты чемпион! Я становилась победительницей мишек и плюшевых тигрят.

Но время свое четко делила на работу и личную жизнь. Работа — это фотосессии, визажисты, пробы, примерки. Для души — встречи с подругами по команде, выезды на дачу к бывшему тренеру Ирине Игоревне, походы в кино с ними же.

Я тяжело рассталась с волейболом. И если бы не странное везение, выраженное в предложении поработать со спортивными журналами — на фото Саша плюс тренажеры-фитнес-БАДы (к БАДАм прилагались накачанные бодибилдеры), — не знаю, как выдержала бы эту разлуку. Порой со спортом расстаются как с жизнью...

Меня же закрутила, отвлекла иная, глянцеваая реальность, и прощание с волейболом отозвалось не так болезненно. Больше боли приносили пусть даже самые добродушные насмешки подружек по команде: «Ах, Сашка, ты теперь у нас модель!», «Ой, Санька, я вчера твою фотку в метро видела, так два старца на нее слюни пускали!».

Подруги посмеивались беззлобно, часто не без зависти, но эта зависть отсекала. Девчонки остались на поле, с чем-то главным. Я принадлежала старцам и юнцам, пускающим кто слюни, кто пузыри жвачки. Я как будто стала массовой культурой — замеченная и востребованная, но плоская и ретушированная.

И встречу с Димой возле кабинета директора я тоже приняла как некое везение. В тот день, когда фотограф произнес «копец, Санька», я отправилась пить кофе с мужчиной, умеющим утешать. И совершенно интуитивно выбрала абсолютно правильную модель поведения обиженной, капризной девочки.

Почему так получилось?

Не знаю. Возможно, в тот день меня задела несправедливость фотографа, и я пыталась доказать себе и всему миру, что я не перестарок! Умею и могу быть прежней девочкой-резвухой! Мои скулы не заострились, носогубные складки не вгрызлись в щеки, а глаза блестят лукаво, как у шаловливого ребенка!

Возможно — это я поняла чуть позже, — тогда я просто подыграла Диме. С чисто женской интуицией и мудростью дала мужчине то, что ему необходимо. Чего он ждал, на что надеялся: общество слегка капризной, обиженной девочки. Ему хотелось наставлять и пестовать, заботиться,

оберегать.

Он это получил.

А я забылась. Надела на себя привычную гляцевую маску и даже словом не намекнула, что я не ласковый подросток, а полноценный КМС по волейболу.

Впрочем, чем тут гордиться? Была бы мастером, обмолвилась бы тут же. А так — КМС. Не велика птица...

Из роли нежной, глуповатой красотки я вышла только раз, когда легла под штангу и взяла вес.

Нет, безусловно, позже Дима обо всем узнал! Я принесла в наш дом медали, кубки и дипломы. Но спрятала их в шкаф. Самые простецкие спортивные награды разрушали мир Диминых иллюзий. Он хотел видеть во мне только то, что когда-то придумал.

А я — подстроилась. Довольно легко и без душевных терзаний.

Любила ли я Диму?

Не знаю. Этот вопрос больше интересовал маму, когда я привела в наш дом сорокадвухлетнего жениха с пузиком и милой лысинкой. Папу, надо заметить, интересовала больше материальная состоятельность господина, собравшегося просватать младшую дочь. И, вызнав, как ему казалось, все, на брак он согласился без особенного

недовольства.

Родители меня благословили и через год, продав квартиру, уехали из Москвы в украинское село, поближе к папиной родне: многочисленной и шумной, веселой, хлебосольной и румяной. Я приезжала в то село пару раз в год, и каждый раз добродушные тетki деятельно пытались нарастить на мне килограммов восемь сала, мяса и румяности.

Так любила ли я Диму?

Вначале он меня очаровал. Ухаживал так мило и ненавязчиво, в постель насильно не тянул, а честно ждал до свадьбы. Мы оба создали и приняли игру иллюзий, в которой и любовь была не обязательной, как перец в котлете: если есть в запасе, добавим в фарш для остроты, если нет — обойдемся чесноком и солью. Все доставалось из запасников по мере необходимости: капризы и истерики, как мне казалось, даже умиляли Диму. Смешная ревность — где ты был, подлец, до часу ночи?! — взбадривала кровь. Как опытные кулинары, мы услаждали жизнь приправами, но привкус пищи, разогретой в микроволной печи, признаюсь, был.

Я чувствовала ее неполную натуральность. Но еще не успела пресытиться и получить отвращение. Мы прожили вместе только два года. А в двадцать шесть лет, после того как Дима пьяным сел за руль и врезался в столб, я стала вдовой. И только после

похорон узнала, что иллюзорной была не только супружеская жизнь, состояние Дмитрия тоже оказалось мифическим. Настоящими были только долги и закладные. На дом, разбитую машину, в которой погиб Дима... Мой мертвый супруг оказался бизнесменом-пшик. Он заработал денег в «лихие девяностые», умножил их во время дефолта, но не вписался в мир слегка оцивилизованного бизнеса. В мире, где все было уже расписано, он оказался несостоятельным.

Дима был выдумщик. Милый состарившийся юноша сорока двух лет, без должного образования — ленинградский «кулёк», специалист по культурному досугу населения, без поддержки реального капитала. Он ловко строил прожекты и так же ловко спускал идеи в канализацию, не сумев довести их до конца.

Мой муж был выдумщик. А не работник.

Погибнув, он оставил меня наедине с разъяренными кредиторами, одним из которых оказался мой бывший модельный директор.

Уладить вопросы с некоторыми Димиными кредиторами мне помог муж подруги Виктории, неожиданно оказавшийся крутым криминальным авторитетом. (Почему неожиданно и как он мне помог, это отдельная история.) С бывшим шефом я вознамерилась рассчитаться сама и сполна, поскольку тешилась надеждой вернуться в

модельный бизнес хоть перестарком, хоть переростком, поскольку деньги на хлеб нужно было как-то зарабатывать. Я продала картины, цацки, безделушки, взяла кредит в банке и явилась к Валерию Аркадьевичу вся из себя нарядная-ухоженная-душистая с конвертом, полным денег.

— Это вам, Валерий Аркадьевич, — сказала тихо. — Тут — все.

Директор взял пухлый конверт, брезгливо глянул внутрь и поднял брови:

— А проценты? Тут вдвое набежало.

— Какие проценты?! — опешила я, совершенно не ожидая услышать чего-то подобного от человека, бывшего свидетелем на нашей скороспелой свадьбе.

— Такие, Сашенька, такие. Твой муженек набрал бабла, — став злым и резким, сколачивал виселицу из слов директор, — кинул половину Москвы и думал: все? Смерть все спишет? Так?! Нет, дорогуша, — перейдя на зловещий шепот, директор приналег грудью на стол, — платить придется живым. — И откинулся назад на спинку кресла, разглядывая меня с хищным, прицельным интересом.

— Но денег нет! У меня нет ни копейки!

— А дом?

— Он заложен!

— Я выкуплю закладные, продам твой дом и покрою долг.

— Но он... он же стоит много больше!

Взгляд Валерия Аркадьевича (девчонки из агентства любовно называли его «наш Тарантул») потяжелел многократно. Шумно вздохнув, директор дотянулся до выдвижного ящика письменного стола и вынул несколько листков бумаги, утянутой в прозрачный файл.

— Смотри. — Презрительно оттопырив губы, он швырнул документы на стол.

Дрожащими пальцами я взяла бумаги, прочитала верхний лист и... больше ничего не увидела. Глаза заволокло слезами, буквы запрыгали и размылись...

— Не верю, — прошептала я. — Это... Дима не мог так со мной поступить.

— Мог, Сашенька, мог, — ухмыльнулся Тарантул. — Деньги от продажи дома едва покроют этот долг.

— Я вам не верю! — откидывая от себя бумаги, вспыхнула я. — Дима не мог занять столько! Вы... вы... это подделка!

— Ты можешь верить, можешь не верить, — изобразил равнодушие бывший шеф, — но все бумаги нотариально заверены. Каждая расписка.

— А почему вы предъявляете мне их только сейчас?!

— А ты на дату взгляни, голубушка. Куда мне торопиться? Это — долг на проценты. Дима не платил три года и составил новые обязательства, срок которых истекает через четыре месяца.

— Но это же почти полмиллиона!

— Да. И счетчик тикает.

Шатаясь, ничего перед собой не видя, я поднялась из кресла перед директорским столом и, еле волоча ноги, поплелась к двери.

— Постой! — окрикнул вдруг Тарантул. — Я не закончил.

Скрывая залитое слезами лицо, я остановилась вполоборота.

— Что еще?

— Я помогу тебе с работой. Ты способная девушка и часть долга, хотя бы проценты, покроешь сама.

Царское предложение. Я обернулась, посмотрела на Валеру Тарантула, и по его цепкому, оценивающему взгляду поняла без всяких уточнений, какую работу он намерен предложить.

— Эскорт?

— А почему бы нет? Ты взрослая, самостоятельная, хм, женщина... Кто тебя осудит?

— Да пошел ты, — вяло отозвалась я.

— Ай, как резко, — прищурился с угрозой директор. — А за слова ответить не боишься?

Мой бог! Куда девался из этого стильного

кабинета лощеный европейский денди? Передо мной, на фоне фотографий красивых женских лиц и тел, сидел ощерившийся уголовник. От этого оскала помертвело все вокруг, и снимки моделей на стенах показались мне надгробными овалами...

Я зябко передернула плечами, молча повернулась и вышла вон.

Небольшое уютное кафе, где два года назад я так любила выпить кофе после «трудового дня», мне тоже показалось изменившимся. Яркие скатерти как будто выцвели. Букетики искусственных цветов хоть невозможно, но завяли. Висящие над барной стойкой когда-то сверкающие прозрачные фужеры покрылись пылью и поблекли.

Весь мир казался траурным и тусклым. Я сидела за угловым столиком, сжимая чашку с чаем, грела руки и слепо смотрела в окно, расплосованное потеками жидкого снега.

Над входной дверью тихонько звякнул колокольчик, в кафе зашел фотограф Леша. Без верхней одежды, налегке, бросил на стойку купюру и, дуя на замерзшие руки, огляделся. Знакомый бармен не уточнял, что именно собрался заказать ежедневный клиент, он молча положил купюру под стойку и сделал знак официантке принести заказ.

Леша, ожидая исполнения, грел дыханием ладони и оглядывал посетителей. Заметив меня, он недоуменно прищурился, потом понял, что не

ошибся, и направился в угол.

— Привет, — сказал с улыбкой. — Сесть можно?

— Конечно, — немного встрепенулась я.

— Легка подруга на помине, — расправляя матерчатую салфетку, хмыкнул Алексей.

— И кто же тут меня поминал? — совершенно искренне удивилась я.

— Не догадываешься? — покачал головой фотограф и, оглянувшись через плечо, положил локти на стол и быстро шепнул: — Ты чем Валере насолила, детка?

Я не смогла ничего ответить, и фотограф продолжил:

— Зашел ко мне в лабораторию, жвалами скрипел... Ты чем ему насолила?

— Денег мало принесла, — буркнула я.

— А-а-а, — протянул Леша и откинулся на стуле. — Это серьезно. Теперь понятно.

— Чего тебе понятно?! — вспыхнула я. — То, что твой шеф редкая сволочь?!

— Как раз это-то мне понятно очень давно, — легко согласился Леша. — Жаль, что не многие доходят до этого понимания без лишнего экстрима. Прежде чем в наш бизнес сунуться... Но ты-то, Сашка, вроде соскочила, а? Я слышал, замуж вышла.

— Муж погиб, — опустив глаза на чашку с

недопитым чаем, сказала я. — Наделал долгов и разбился на машине.

Леша достал из кармана джинсов сигареты, подвинул ближе пепельницу и, закурив, спросил:

— Денег много должна?

— Много, — созналась я и вздохнула. —

Больше, чем смогу потянуть.

— И что собираешься делать?

— Хотела назад в «террариум» вернуться.

— Не выйдет, — прищурился фотограф.

— То есть?

— Шеф сказал, вся работа с тобой только через него.

— А я... а я в другое агентство...

— Ты что, Александра, с пальмы упала и мозжечок повредила? Если он сказал, все через него, значит, все.

— Везде, что ли? — отстраняясь, почти падая в угол, спросила я.

— Конечно! Детка, это правило! Ты — подчиняешься, ты — работаешь. А пальцы гнешь — сидишь на сухом пайке. — Алексей глубоко затынулся, снова бросил взгляд через плечо, как будто проверяя, не появился ли на барной стойке бумажный пакет с запечатанным стаканчиком кофе и парой сэндвичей, и вновь перешел на быстрый шепот: — Вот думаешь, я тебе тогда про возраст случайно намекнул? Нет, детка. Это Валера тебя

выстроить в шеренгу пытался. Ты же копытом била, корпоративки не обслуживала, в эскорте не светишься, все в облаках витала, да?

— Ну?...

— А Валера на тебя, конкретно на тебя заказ получил. Вот и ломал.

— Не может быть...

— Может, Сашка, может. Я тебе почему сейчас все это говорю... Я не хочу, чтобы ты понапрасну пороги обивала. У нас ведь еще не самый гадючник, можешь и похлеще нарваться. Так что думай, детка. Удачи!

Громко отодвинув стул, Алексей встал, но я удержала его за рукав джемпера:

— Леша, стой! А что мне делать?!

— Не знаю. Но в Москве Валера тебе кислород перекроет. Ославит так, что ни в одно агентство не возьмут. Только себе же хуже сделаешь.

— А если я к другу обращаюсь? К Сергею Рубпольскому!

Фотограф замер. Потом вернулся на стул и, налегая грудью на стол, спросил немного удивленно:

— Рубпольский? Тот самый Сережа Рубль Польский?

— Да! Он муж моей подруги!

— Ого, Санька, — усмехнулся собеседник, —

ну и связи у тебя.

— Да какие связи, — отмахнулась я. — Только Рубпольского и знаю. И то через жену.

— И он поможет? — разглядывая меня с интересом, спросил Алексей.

— Пару раз уже помог. Муж кучу долгов оставил, Сережа помог немного дела уладить.

— И с Тарантулом поможет? Подпишется?

— Ой, Леш, даже не знаю, — пригорюнилась я. — Неудобно еще раз обращаться.

— Неудобно, детка, спать на унитазе — попа мокнет. Ты, Саша, если есть возможность, Рубля используй.

— Да сколько можно его использовать?!

— А Рубль, он не разменный, вечный, так что не сотрется. А вот Тарантул... — нахмурился фотограф, — тоже парень непростой. — И став совсем серьезным, спросил: — Что требует Валера?

— Переписать на него дом в двадцати километрах от Кольцевой.

— Ого. Аппетиты.

— И что мне делать?

Леша, молодой, спортивно-тощий парень в гламурно драных джинсах и растянутом на пять размеров свитере, откинул со лба длинную, спадающую на глаза челку и произнес признание:

— Нравишься ты мне, Сашка. Всегда нравилась. И скажу только тебе, один раз и

забудем. Договорились?

— Да. Конечно.

— Если Тарантул нацелился на твой дом... А бумаги у него какие-нибудь есть?

— Да, долговая расписка моего мужа. Нотариально заверенная.

— Фамилия нотариуса, случайно, не Мишин? — прищурился приятель.

— Не знаю. Я на это не обратила внимания, только подпись мужа разглядывала.

— Понятно. Тогда скажу так. Все эти расписки могут быть филькиной грамотой. Но это не факт, и дело в следующем: если Тарантул нацелился на жирный кусок, уже не отпустит.

— Даже если Рубпольский вступится?

— Если Рубпольский вступится, ты, детка, просто не очнешься однажды в борделе на Ближнем Востоке.

— Ой! Что ты такое говоришь?

— А что знаю, то и говорю, — многозначительно произнес фотограф. — Подписывай своего Рубпольского, чтоб, значит, все по справедливости вышло. Иначе Валера тебя досуха выжмет.

— За что?!

— За то, что не ложились в койку с кем прикажут! — громче, чем следовало, воскликнул Леша. Тут же испугался своей храбрости, оглянулся

назад и, увидев на стойке бумажный кулек, распрощался.

Мне показалось, с облегчением.

Рубпольский за меня вступился. Без лишнего рвения, просто обозначился за моей спиной.

Но спать я стала лучше. На время меня оставили в моем доме. Выключили счетчик. И позволили барахтаться, то есть самостоятельно искать покупателя на недвижимость, и если повезет — выгадать денег на покупку квартирки в спальном районе Москвы.

Уже три месяца я барахталась. И целенаправленно искала нового мужа.

Задача эта фантастически нелегкая, но выполнимая для девушки двадцати шести лет с лицом повзрослевшего ангела, сложившего крылья.

...Сосед Анатолий Андреевич на роль жениха не годился абсолютно. Во-первых, был хоть и бездетен, но женат на Рае. А во-вторых, при близком знакомстве оказался пугающе эксцентричен и совершенно непонятен. Словно огромное черное веретено, Коновалов накручивал на себя странности с неиссякаемым трудолюбием. Как будто мало ему было двух раскуроченных машин и загадочных манипуляций с часами, Анатолий Андреевич продолжал чудить.

И так же явно продолжал считать меня дурой блондинистой масти.

Запив остатками коньяка горькую нотку «хороший мужик был Дмитрий Павлович», он словно бы опомнился, стукнул себя по лбу и высказался:

— Ух, черт! Совсем забыл. А позвонить-то! — И уже обращаясь конкретно ко мне, набирая на сотовом телефонный номер: — Ой, Сашенька, с вами совсем можно голову потерять... Что с нами делает женская красота? — И далее непосредственно в трубку: — Алло, Денис. У меня тут неприятность образовалась, бери ребят из мастерской и дуй ко мне домой...

Говоря все это, Анатолий Андреевич вышел на крыльцо, прикрыл за собой входную дверь и продолжал разговор уже на улице.

Стараясь не показать удивления, я смотрела на его спину через оконное стекло. Если не ошибаюсь, ремонтнику Анатолий Андреевич уже звонил. Как только треснул мой «рено», так сразу и позвонил. Пока я старательно считала до ста, Коновалов приседал возле побитых машин и, судя по артикуляции, описывал кому-то повреждения. Я следила за ним в зеркале заднего вида. Так можно разговаривать только с автослесарем. Здесь трудно ошибиться.

Или мне показалось?... Я была слишком напугана, чтобы четко воспринимать действительность...

Но нет! Я отлично помню приседания Анатолия Андреевича. Его глаза озабоченно скользили по вмятинам, он явно их перечислял и обозначал фронт ремонтных работ!

Хотя... один раз я уже ошиблась. Ведь в самый первый момент решила, что Анатолий Андреевич вызывает страховщиков... Но позже он не позволил мне этого сделать. Отобрал телефон и увел в дом.

Странный тип.

Коновалов вернулся и с виноватой улыбкой развел руками:

— Ну вот и все, Сашенька. Сейчас приедут мои ребята, отгонят наши машинки в мастерскую, и через пару дней они будут как новенькие.

— Ага, — буркнула я. — А до города я эту пару дней на автобусе буду добираться.

— Зачем же? — усмехнулся сосед. — Я выпишу вам доверенность на машину Раисы, она оформлена на мое имя, и ездите пока на ее «ягуаре». Согласны?

Еще бы нет! Шикарный двухдверный кабриолет в полной комплектации! Да я машину нашей соседки даже потрогать не мечтала! Но тем не менее скромно потупилась:

— Ой, даже не знаю...

— Соглашайтесь, Сашенька, соглашайтесь.

Супругу Анатолия Андреевича мы с Димой

называли Богомолиха. Высокая и тощая как жердь, сурово стильная, она напоминала самку богомола, откусывающую, как мне помнится, голову самца после совокупления. Крепенький, местами плешивый Анатолий Андреевич, мужчина весьма среднего роста, ухаживал за своей тощей супругой с пугливой учтивостью. Придерживал перед ней дверцу автомобиля, суетливо поправлял манто и подобострастно подхватывал сумочку.

По слухам, женитьба Анатолия Андреевича была выгодно-просчитанной. Когда-то давно юный Толик закончил автодорожный институт и пришел трудиться в крупное московское автохозяйство простым, малооплачиваемым инженером. Через несколько лет, к самой заре перестройки, дотрудился до инженера главного, еще через несколько лет успешно разорил любимое предприятие, выкупил за сущие копейки и стал одним из крупнейших грузо-перевозчиков.

Дальше — больше. Схарчил конкурентов, расширил бизнес и расправил крылья над средней полосой России.

Мой Дима знал все столичные сплетни и об относительно редкой удачливости господина Коновалова выразился так: повезло господину не на пустом месте. Еще будучи стройным и не плешивым, Анатолий умудрился женить на себе дочку крупного партийного босса. Тесть во многом

помог зятю, но и это еще не все. Из разнообразных источников до Димы доносились слухи, что богатыл Анатолий Андреевич совершенно беспринципно и часто криминально. Лично на больших дорогах с кистенем не стоял, но какое-то отношение к пропадавшим на трассах грузовикам имел...

Впрочем, за руку схвачен не был, под судом и следствием не состоял, и сейчас, зная, как словоохотлив бывал Димасик на чужой счет, я верю далеко не всему. Предпочитаю не опираться на старый багаж и делать выводы самостоятельно. Я слишком долго наблюдала из окна чету Коноваловых, чтобы не удивиться факту — шикарная машина оформлена на имя Анатолия Андреевича. Тут изумиться было чему. Суровая и властная Раечка выглядела так, словно ей принадлежала Земля и окрестности Солнечной системы, а не только «ягуар», коттедж и наша улица в придачу. Неулыбчивая брюнетка с поджатыми губами редко растягивала их в улыбке при встрече с соседями. Она стреляла по нас чуть раскосыми глазками и обозначала приветствие едва заметным движением подбородка.

Каждый раз, встречая на улице Анатолия Андреевича, мы отмечали: с женой и без нее сосед — два разных человека. Будучи без присмотра надменной супруги, Коновалов любезно раскланивался и даже позволял себе поздравить

соседей с каким-нибудь праздником. Подле Раи становился полнейшим ее подобием, совершенно безразличным к окружающим.

И нарываться из-за «ягуара» на скандал с приехавшей откуда-то Раей мне не хотелось совершенно. Покататься на ее машине хотелось страстно, но не воевать и оправдываться. Позиционные соседские противостояния порой бывают не только темпераментно-огненными, но весьма кровопролитными.

— А ваша жена не будет против? — чувствуя, как от раздирающих противоречий пылают щеки, спросила я.

— Сашенька, что за церемонии? — прогнусавил Коновалов. — Я — не против!

Вот оно-то и странно. Больно уж храбр Анатолий Андреевич, больно безрассуден...

А впрочем, мне ли мучиться в противоречиях, если хозяин дозволяет...

Тем более на улице такая чудная погода вечерами стоит. Я просто видела себя за рулем «ягуара» с открытым верхом! Изящный спортивный автомобиль несется по дороге, ветер треплет волосы, мужчины столбенеют...

Что за искус!

И Коновалов вился змеем:

— Сейчас зайду домой, возьму ключи и документы на машину, и поедем мы с вами, Сашенька,

развлекаться...

— На «ягуаре»?! — перепугалась я: после гибели мужа отчаянно боялась пьяных за рулем.

— Нет, — правильно понял сосед. — Вызовем такси и поедem... в ка-зи-но! Не против?

Я пожала плечами.

— Поедем, поедem, сегодня нам обязательно повезет. Должны же существовать компенсации за не приятности?!

Какой странный нынче выдался вечер... Начинался он плохо. Я убиралась в подвале, неловко передвинула ящик с инструментами и зацепилась ногтем мизинца за какую-то железяку. Искусственный ноготь треснул — хвала Всевышнему, только кончиком, а не по мясу! — и я собралась наведаться в маникюрный салон, дабы восстановить чуть поврежденную красоту. Звонить маникюрше не стала, работы с одним ногтем немного, сделает без очереди. Выехала из ворот и... о ногте вспомнила только что, почти собравшись в казино.

Н-да, странный вечер.

И кавалер предполагается страннее некуда...

Но в казино я не бывала сотню лет. Сегодня меня никто нигде не ждет, этот день собиралась подарить нуднейшему занятию — уборке подвального этажа...

— Поедем, Сашенька, развеемся.

— А машины? Оставим на улице?

— Нет. Дождемся Дениса и его приятеля, они заберут машины, и мы — свободны! Неприятности надо забивать приятными впечатлениями, я гарантирую вам, Сашенька, незабываемый вечер!

Анатолий Андреевич продолжал наматывать на себя странности и уже абсолютно втянул меня в орбиту чудаковатых завихрений. Действуя со стремительностью центрифуги, почти не оставляя мне времени на размышления, он брал инициативу в свои руки. Я почти не заметила, как отправилась менять сарафан и босоножки на платье и туфли, как подкрашивала губы и причесывалась; вернувшись из спальни второго этажа, я заметила только одно — позолоченные стрелки деревянных часов вновь поменяли положение. Пока я отсутствовала, Анатолий Андреевич восстановил на часах правильное время.

Зачем?

Сложно понять. Но для чего-то он выбрал в поселке самую бестолковую на вид блондинку, подстроил аварию и манипулировал со стрелками.

Коновалов что-то натворил, и ему потребовалось алиби?

На первый взгляд все выглядело именно так.

Входить в дом Анатолия Андреевича я отказалась. Осталась на улице возле «мерседеса», целующего в задницу «рено», и быстро

прокачивала ситуацию.

Так. Предположим, Анатолий Андреевич посчитал меня исключительной дурой и решил использовать случайное стечение обстоятельств — мой своевременный выезд из ворот — в некоей интриге.

Может быть, не стоит никуда с ним ехать? Мутный он какой-то, сосед Анатолий Андреевич... Придушит еще в сортире казино...

Нет, это вряд ли. Во-первых, мы едем на такси и шофер — это свидетель. А во-вторых, казино с его камерами наблюдения не лучшее место для удушения девушек в клозетах.

И в-третьих. Опасность для жизни, как мне кажется, отсутствует совершенно. Создается впечатление, что Анатолию Андреевичу я нужна живой и глупой. Бездумной свидетельницей, видевшей стрелки на часах, когда по их корпусу ударился коньячный фужер. Соседу нужно, чтобы я подтвердила факт его присутствия в поселке в определенное — искаженное — время.

А что это значит?

А значит это, что у девушки, сложившей крылья, появляется конкретная возможность заработать. Шантаж. Звучит некрасиво, но прибыльно. В моей ситуации не использовать возможность, выжав ее досуха, просто глупо. О честности и гордости хорошо рассуждать, когда

впереди не маячит украинское село с салом, бульбой и лишним десятком килограммов на заднице. Я уже несколько месяцев скрываю от родителей, насколько плачевно мое безработное состояние... Родные просто не поймут, почему здоровая девица с высшим педагогическим образованием вместо того, чтобы честно преподавать в школе физкультуру, бегает по скупкам и меняет ковры на деньги. Где им понять, что вдове, готовой к новому замужеству, требуется масса времени, дабы держать себя в форме! Что крикливых детей подросткового возраста я на дух не выношу, а понервничав, моментально теряю товарный вид!

Как объяснить, что для нового замужества нужны терпение и деньги!..

Вряд ли, конечно, мне обломятся необходимые полмиллиона, но разбитый шестисотый «мерседес» перед моими воротами уже говорит о многом.

Чего же такого натворил Анатолий Андреевич, если изуродовал дорогую машину, разбил мою и еще Райкин «ягуар» умудрился предложить?!

Цена вопроса велика получается. Буду настойчиво объяснять, что за меньшее, чем пол-лимона, я свою совесть не продаю. Так что поторгуемся, любезный Анатолий Андреевич.

Решив стать храброй и меркантильной до омерзения, я приготовила нежнейшую улыбку и встретила ею выходящего из ворот странного господина Коновалова.

Анатолий Андреевич тоже улыбался и выглядел весьма импозантно: залысины, окруженные пепельно-седыми волосами, победно блестели, дорогой льняной костюм ладно сидел на крепкой фигуре. Красавец полных пятидесяти лет, что и говорить. И если бы не Богомолиха и вся ситуация в целом, я бы посчитала его компанию на этот вечер выигрышем без всякого казино. Вдове, подыскивающей новую матримониальную жертву, следует почаще светиться в обществе с такими кавалерами. Подобное сопровождение поднимает статус и оживляет общий мужской круговорот в природе. Так уж получилось и не нами заведено, что мужчины больше обращают внимание на чужие трофеи, чем на свои слегка запылившиеся привычные регалии. Чужая, не испробованная на вкус добыча дразнит их жадные ноздри, зовет в драку и заставляет концентрироваться на ароматах чужого толстого куска.

Жизнь с Димой, большим любителем подобных провокаций, — аттракцион с поднятием железа в охоте на женщин не катит, поскольку жених сам был не в выигрышной позиции, — научила меня многому. Бесхлебная вдовья доля

заставила освоить роль манящей, обманчиво беззащитной жертвы куда точнее.

Еще немного, и я дойду в этом искусстве до совершенства.

...Анатолий Андреевич шутил и улыбался, и о злокозненных мыслях, бушующих в фарфоровой головке аппетитной куколки, даже не догадывался.

Глава 2

Весь вечер Анатолий Андреевич был потрясающе галантен. За ужином в ресторане не пытался погладить меня по руке и не предлагал брудершафта с обязательным поцелуем. Он только просил избавить его в обращении от отчества, но оставил дистанцию «вы». За столиком в казино не делал попыток «забыть» свою руку на моем колене, бездумно проигрывал деньги и снабжал меня фишками.

Еще за ужином мы обговорили условия его «компенсации» за побитую машину. И тут он проявил себя джентльменом до подозрительности: намекая, только намекая, что в аварии все же виновата я, он пообещал выплатить мне не только прямой ущерб, но и косвенный (после аварии «рено» сильно упал в цене) — посулил заполнить бензином бак Раиного «ягуара» и прочая, прочая, прочая. Милости сыпались из Анатоля небесным

дождем. Он даже предложил свою помощь в улаживании вопроса с кредитом под залог дома...

«Кого же ты убил, Анатолий Андреевич? Неужто президента?!»

Такую щедрость нельзя оправдать попыткой затащить бесхозную соседку в постель. Я в казино продула столько денег, что на эту сумму уже сама могла бы вполне отремонтировать «рено»!

Андреевич привязывал меня к себе (прямыми и косвенными) материальными обязательствами, как козу к деревянному колышку. Мне оставалось только радостно бляеть и убирать под верхнюю губу клыки настоящей хищницы.

...Домой мы вернулись только под утро. Анатолий ехал на переднем кресле «Волги» рядом с таксистом, я одиноко и слегка обалдело болталась на заднем сиденье и пыталась подсчитать, в какую сумму обошелся соседу «незабываемый вечер».

На круг получалось круто. Я даже не все фишки успела профукать. Стоит завтра наведаться в то же казино и обменять на шуршики...

У запертых ворот соседского дома стоял пыльный жигуленок с двумя седоками на борту.

«Волга» остановилась у моих ворот, и два мужика сонно таращились в окно, наблюдая, как галантный Анатолий Андреевич помогает мне выбраться из автомобиля, церемонно прикладывается губами к пальцам и желает

спокойной ночи.

— Спасибо, Анатолий, — промурлыкала я. — Вечер действительно получился не рядовым. — И хихикнула: — Вот только мобильничек вы мне так и не вернули...

— Разве?! — картинно изумился сосед и похлопал себя по карманам пиджака, тут же «найдя» там пропажу. — Ах, Сашенька, простите... Какая неловкость!

Я погрозила пальчиком и притворилась догадливой душой:

— Нет-нет, не обманывайте меня. Вы нарочно это сделали! Чтобы подружки не отвлекали меня от вас звонками. — И капризно надула верхнюю губу. — Ну, признайтесь, Анатолий... Признайтесь, признайтесь! Вы — проказник!

— Ох, Сашенька, — симулировал раскаяние соседка. — Ничего-то от вас не скроешь. Вы меня раскусили!

Боже мой, какая прелесть. Он продолжает считать меня идиоткой.

Его мобильник тоже ни разу не зазвонил. Коновалов выключил оба наших телефона. Только непонятно, почему именно оба.

Из жигуленка скованно и грузно — видно, давно сидели — выбрались два пассажира в помятых брюках и рубашках с короткими рукавами. Анатолий ласково подпихнул меня к воротам —

спокойной ночи, Сашенька, — и повернулся к ним.

Я вошла через калитку, спряталась за кирпичную тумбу так, чтобы через зазор под дверью не проглядывали каблуки, и приложила ухо к щели у косяка.

— Коновалов Анатолий Андреевич? — прозвучало из-за ворот.

— Да. Чем обязан?

Я отлепила от щели ухо и приложила туда правый глаз: оба мужика держали перед коноваловским носом краснокнижные удостоверения.

— Ах вот как, — едва расслышала бормотание Анатоля. — Что случилось?

— У нас есть к вам пара вопросов, — сказал мужчина, выглядевший в этой паре старшим.

— Тогда, может быть, пройдем в дом? — предложил Анатолий Андреевич. — Голова раскалывается, сил нет. Хочу принять таблетку поскорее...

Он увел краснокнижных посетителей за ворота, а я задумалась, прижимая спину к холодному камню кирпичной кладки.

Да, все выходит так, как полагалось. Господину из дома напротив понадобилось алиби. И если мои догадки верны, то заваливаться спать совершенно бесполезно. Через какое-то, скорее всего весьма короткое, время меня разбудят и

потребуется подтвердить слова Анатоля.

Шагая через две ступеньки, я поднялась в дом, стремительно поменяла платье на пеньюар и, замотав голову банным полотенцем, принялась убирать косметику с лица.

Что может быть правдоподобней, чем показания вдовы с лицом умытой школьницы? Женщина в пеньюаре и с банным тюрбаном на голове может позволить себе любые вольности-нелепости: краснеть и неловко мямлить, сбиваться с ритма и бормотать невпопад. Сквозь кружева и шелк тело проглядывает как неприкрытая правда...

Звонок домофона раздался, когда я уже заматывала надтреснутый ноготь лейкопластырем — если отвалится, зацепившись за одеяло или подушку, больно будет до ужаса! Каждая женщина, хоть раз мастерившая длинные когти, знает это по собственному опыту.

Я посмотрела на экранчик у двери, увидела перед калиткой неловко мнущуюся троицу и пискнула:

— Да?

— Сашенька, это Анатолий Андреевич, — затараторил сосед. — Простите великодушно, но не могли бы вы впустить нас буквально на минуточку!

Ах, ах, какое обхождение в четыре утра. Я нажала на клавишу, отпирающую электронный

замок, и натянула на физиономию испуганно-удивленное выражение. Фотосессия для журнала «Огород и дача»; внучка-школьница увидела на бабушкином огороде мерзкую гусеницу. В углу над снимком Саши и огорода пакет какой-то гадости, уничтожающей капустных вредителей. Глазки распахнуты, губки полураскрыты, тонкие пальчики целомудренно присобирают кружева на трепетной груди.

— Здравствуйте, — лепечет бабушкина внучка, и мужики из органов несколько теряют казенный настрой.

— Сашенька, — суетливо напирает Коновалов, — объясните, пожалуйста, господам из милиции...

Оттеснив Анатоля плечом в сторону, мужики раскрывают удостоверения и представляются. Капитан Стрельцов, лейтенант Мухин. Капитан, сурово зыркнув на болтливого подозреваемого, берет беседу в свои умелые руки.

— Э-э-э, Александра Пряхина, если не ошибаюсь? — говорит с изучающим прищуром.

— Нет... то есть да — не ошибаетесь, — смущенно мяукаю я.

— У вас сегодня произошла неприятность, — то ли спросил, то ли констатировал кэп. — Вы столкнулись у ворот с машиной вашего соседа. Вы помните, когда точно произошло ДТП?

— Ну-у-у, — протянула я и беспомощно взглянула на Коновалова.

Тот молитвенно прижал ладони к груди, закатил глаза, и я сосредоточилась.

— Часов около семи... кажется...

— Кажется или точно? — пытливо нахмурился капитан.

— Ну-у-у... сюда, то есть ко мне домой, мы пришли в начале восьмого... Ой, вспомнила! Тост мы подняли двадцать минут восьмого! Правда, Анатолий Андреевич? Значит... столкнулись почти ровно в семь!

Коновалов выдохнул, повеселел и стал поглядывать на милиционеров с некоторой покровительственностью во взоре.

— Вы посмотрели на часы? — вредно упорствовал товарищ Стрельцов.

— Да, — как бы обретая уверенность, кивнула я и показала пальчиком на деревянный гробик.

Капитан сравнил показания облезло-золотого циферблата со своим хронометром и огорченно покосился на подчиненного лейтенанта.

— А почему вы посмотрели на часы? — продолжил все же наседать.

— Господи! Да посмотрела, и все! Там было двадцать минут восьмого.

— Уверены?

— Гарантирую.

— А сколько времени вы провели на улице и в доме, после того как столкнулись?

— Ну-у-у... минут пятнадцать, двадцать. Разговаривали, дома я кофе варила... вот посмотрите, на мойке две грязные чашки стоят... Потом мы... то есть Анатолий Андреевич пил коньяк, потом поехали в ресторан, кушали салат с трюфелями, жульен...

— Достаточно, — сморщился от голодного спазма и моей глупости Стрельцов. — Вы сможете позже подъехать к нам и дать письменные показания?

— Конечно могу. — Я пожала плечами. — А что случилось-то? Зачем...

— Сашенька, — перебил меня Анатолий Андреевич и ласково погладил по плечу, — не надо забивать свою чудесную головку чужими проблемами. Ложитесь спать, мы и так вас побеспокоили. Правда, капитан?

Стрельцов хмуро оглядел мою разоренную ломбардами гостиную, задержался взглядом на тумбе, где возле бутылок стояла фотография Димы с траурной ленточкой в углу, и отвечать на вопрос «зачем» не стал. Не удивлюсь, если провожая милиционеров до моих ворот, господин Коновалов проинформировал товарищей о том, что Сашенька несчастная вдовушка и незачем доставлять бедняжке лишнее беспокойство. Капитан достал из

кожаной папки листок бумаги, нацарапал на нем координаты и телефон места, куда мне стоит явиться, дабы отмазать соседа от каких-то обвинений, и, уже сделав шаг за порог, остановился:

— А кто виноват в аварии, Александра?

Я отвела плутоватые глазки, зашуршала шелками на груди.

— Ну? — повысил голос милиционер. — Кто?

Я подошла ближе и, якобы пряча лицо от Анатоля, шепнула:

— Я.

— Вы? — каверзно уточнил ментяра.

— Да, — потупилась я. — Я же задом пятилась... Только вы... только Анатолий Андреевич взял вину на себя... Ремонт обещал оплатить...

— Он обещал?

— Да, — горестно вздохнув, я повесила голову. — Он позвонил своим ремонтникам, и те увезли машины.

— А когда позвонил? — зацепился капитан и сделал шаг обратно в дом.

— Ну-у-у, — затянула я, — это уже после того, как мы попили кофе...

— Звонил по вашему телефону или по своему?

— Свой сотовый достал, — с полным

усердием проинформировала я, глянув из-под ресниц на Коновалова, поняла, что попала в точку.

Никуда, выходя на крыльцо, сосед не звонил. Только вид делал, что набрал номер и разговаривал с Денисом. А на самом деле звонок прошел за двадцать минут до этого, в момент, когда Коновалов приседал под хвостом побитого «рено» и сообщал о повреждениях.

Ну и фрукт! Как все рассчитал! Даже звонок слесарю теперь составляет ему алиби! Он на моих глазах «разговаривал» с Денисом, распечатка телефонных звонков подтвердит «точное» время. Я дам показания и подпишусь под этим фактом.

Здорово. Теперь хороший адвокат Анатоля от любых обвинений отмажет. Каждое лыко в строку.

Вот только... Подготавливая себе алиби, ошибся разочек Анатолий Андреевич. Недооценил мыслительные способности длинноволосой блондинки из дома напротив.

Как только за гостями закрылись все двери, я подошла к тумбе, склонилась над коробом старинных часов и долго-долго всматривалась в деревянные бока.

На них совершенно четко отпечатались крупные следы подушечек мужских пальцев. Мои, вытянутые и неполные, легко отличались от отпечатков соседа. Я не могу брать предметы, прикасаясь к ним всеми подушечками, мешают

длинные ногти, а это значит — на деревянных боках часов остались «вензеля» господина соседа. Диминых отпечатков там не могло сохраниться, я натирала гробик мебельным воском буквально неделю назад...

Беспечен был Анатолий Андреевич. Самонадеян.

А ведь, казалось бы, чего проще? Придал стрелкам нормальное положение и оботри часы полый пиджака! Уничтожь следочки. Но нет. Анатолий Андреевич пребывал в полнейшей уверенности, что находится в гостях у простофили с куриными мозгами. Подобные мне девушки живут как птички, минуток не считая.

А я привыкла контролировать свое поле.

Я сходила на кухню за новым полиэтиленовым пакетом, аккуратно запаковала в него часы и недолго прикидывая прошла в гараж, где в одной из старых канистр Дима оборудовал скромный тайник.

Часы легко уместились в полую железяку.

Полюбовавшись зрелищем запыленного уголка с сокровищем, обещающим дивиденды, поднялась в гостиную и наградила себя глотком коньяка. Потом подумала, плеснула в бокал еще немного — выпить для снятия стресса бывает нелишним — и села возле окна размышлять над сложившейся ситуацией.

...Как оказалось чуть позже, лучше б не размышляла, а сразу отправилась спать. Мысли вращались сплошь пугливые и совсем не радостно-жадные.

Куда ты, Саша, влезла?! Куда?!

Остановись, пока не поздно! Одумайся.

Но остановиться никогда не поздно. По меньшей мере сначала надо хотя бы выяснить, куда конкретно влезла — или влипла, — и уж тогда решать, стоит оно того или нет.

В игре, где шестисотый «мерседес» идет разменной монетой, ставки бывают смертельно крупные.

Глава 3

Проснулась я так поздно, что, когда взглянула на часы, не поверила глазам. Табло электронного будильника показывало половину пятого.

Кажется, вечер. В спальне, выходящей окнами на юго-запад, — жара. Утром, ложась почивать, я не включила кондиционер (я теперь жадная и берегу электроэнергию), а решила обойтись открытым в утреннюю прохладу окном. Теперь голова трещала так, словно вчера я позволила себе не два глотка арманьяка на сон грядущий, а засосала стакан самогона.

Гадкое состояние. И привкус во рту

соответствующий воспоминанию о самогоне. На подушке осталось влажное пятно в форме затылка.

...Примерно через десять минут кондиционер охладил дом до приятной температуры, чуть позже таблетка дешевого, но действенного цитрамона сняла с висков пульсирующие взрывы. Физическое состояние улучшилось, моральное осталось гадким. Просто даже мерзопакостным.

К любому роду деятельности у человека должна быть либо склонность, либо наработанная привычка. Я врожденного пристрастия к подлости не имела — к сожалению? — и раньше шантажом не подрабатывала.

Вчера, на адреналине, все казалось едва ли не невинной шалостью. Сегодня, когда умозрительные наметки готовились перейти в фазу решительных действий, наступило жалкое похмелье. Стыд и страх терзали в равных долях. А с чего я, собственно, должна начать этот самый шантаж?!

Сбегать в милицию, разузнать, в чем обвиняют Коновалова, и выяснить цену вопроса? Или сразу явиться к нему с предложением — делиться надо, батенька? Пригрозить — снесу часики с отпечатками куда следует...

Явиться? Да жутко представить! И гадко, кстати, тоже.

Но что же делать? Карусель завертелась, ложные показания я уже дала...

Может быть, написать Коновалову письмо в стиле «я знаю, что вы делали прошлым летом»? Подкинуть листок в почтовый ящик, назначить randevу между мной и обувной коробкой с валютой?...

А если на randevу явятся не баксы, а дяди с ножами и пистолетами? У меня в делах подобного рода опыта нет. Обманут и пристукнут, как малолетку.

Тогда что делать?! Зачем я все это замыслила?!

Так. Написать письмо с изложением вчерашних событий, оставить его в надежном месте у проверенного человека и явиться к Коновалову — если со мной что-то случится, письмо уйдет под копирку в прокуратуру и к капитану Стрельцову?

Если подумать хорошо, то в принципе — можно.

Если подумать еще лучше, демарш обернется фарсом. Я себя знаю. Едва я приближусь к Коновалову, страх стиснет горло, и все угрозы я пропищу так, что насмешу потенциальную жертву шантажа до коликов в желудке. Сашка — шантажистка. Сашка — угрожает. Пищит, ерепенится и пытается выглядеть страшно.

Тем более что мышиноного писка я стесняюсь и моментально начинаю путаться... А времени досчитать до ста Анатолий Андреевич мне не даст.

Считать придется после каждой, смешно сказать, угрожающей фразы. Так что поможет это вряд ли.

Напиться, что ли, перед визитом? Напиться, стать храброй до безрассудства и стоять на своем: часы и показания в обмен на пол-лимона?

Ага. Придумала. Пристукнут уже как пьяную малолетку. Пить не умею, храбрость проявляю, только если обижают, к человеку с ножом у горла никогда не приставала...

Н-да. Ситуация.

Но надо, Саша, надо. Не сумеешь совладать со страхом и совестью, упустишь шанс, потом пожалеешь. Второго случая легко заработать может не представиться.

И кстати, о шансе. Вчера мне обещали «ягуар». И почему-то мне казалось, что стоит только прокатиться на автомобиле с диким звериным именем, почувствовать храбрость ревущего скоростного мотора, как наглость вернется сама собой. Я снова стану бесшабашной и бездумной, напористой и сильной, как эта стильная, приемистая, грозная и изящная машина, чье имя — мощный зверь в пятнистой шкуре.

Уговаривай себя, Саша, уговаривай! Подбирай эпитеты, сравнения, стань зверем! Дикой, осторожной кошкой с чуткими ноздрями и крепкими лапами...

Я вышла на балкон второго этажа, глянула на

улицу и аж присела от восторга: перед воротами, прячась в тени забора, стоял «ягуар». Лоснился черными боками, сонно жмурил потухшие фары и ждал приказа: в путь!

Как была в пеньюаре и тапочках, на одном дыхании я слетела во двор, вышла за ворота и встала у машины, Автомобиль не только выглядел, но и пах как будто по-особенному. Каким-то необычным ягуарским воском. Его бока сверкали не как капоты обычных машин, его фары казались хрустальными, кожа салона выглядела дивно мягкой и упругой... Машина завораживала. Совершенством линий, скрытой мощностью, запахом, сверканием, обещанием скорости и послушания...

Невдалеке тихонько звякнуло железо.

Я вздрогнула, скосила глаза в сторону и увидела соседского Павлика, ремонтирующего велосипед возле своего забора. Мальчишка сидел на корточках и на «ягуар» не обращал ни малейшего внимания. (В конюшне его папы жуют сено два мерина, «бентли» и мамин БМВ.) А вот второй мальчик, что стоял рядом с велосипедом, на меня таранился откровенно. Был он худощавый, темноволосый и явно не из нашего поселка. За спиной мальчишки болтался рюкзачок, надетая козырьком назад бейсболка слегка запылилась, и отчего-то выглядел мальчик странником, остановившимся в тени чужого забора поболтать с

аборигеном.

Меня пацаненок разглядывал так, словно на улицу я вышла не в пеньюаре, а с голой грудью и в юбочке из пальмовых листьев.

Независимо вскинув подбородок, я повернулась к мальчикам спиной и увидела, что из щели для почтового ящика торчит длинная роза, желтая с красным кантом по кончикам лепестков.

И эта роза была сигналом.

Я вытянула ее из прорези в калитке, вернулась во двор и, открыв почтовый ящик, нисколько не удивилась, обнаружив в нем тяжелый конверт, где сквозь бумагу прощупывались ключи на брелке автомобильной сигнализации. Там же лежала доверенность на управление «ягуаром», документы и записка с вложенной в нее сотней долларов.

«Милая Сашенька, — значилось в послании, — простите, что не смог выполнить свое обещание и заправить бак машины. Я просто не успел. Проспал. Оставляю вам деньги, надеюсь, на бензин хватит. Всего хорошего, всегда ваш друг, Анатолий Коновалов».

Обмахиваясь розой, я дважды прочитала письмо.

Не успел, значит. Подсунул розу со своего огорода и дал взятку — сто баксов и «ягуар» во временное пользование.

Не знаю почему, но одинокий портрет

американца Франклина меня разозлил. Причем злость эту я старательно культивировала, удабривала и окучивала. Растила то есть. Подпитывала изнутри и умоляла не завянуть.

Не успел, значит. Сунул в конверт портрет мужика с бабской прической и думал — рот заткнул. Сотней и ремонтом им же разбитой машины...

Ну уж нет! Дешево не отделаешься!

Стиснув в кулаке Франклина, я потопала к крыльцу, продолжая яровизацию зерен благородной злости и окультуривая их до праведного негодования.

Получалось хорошо. Еще немного, злость даст всходы, заколосится, и к вечеру я соберу урожай. Прокачусь на машине под порывами ветра — часиков в девять, когда спадет жара и трасса освободится от транспорта для черепах, — надышусь им вволю и, став дерзкой, явлюсь к соседу за жирным куском.

Мне в спину пропела мелодия дверного звонка, я круто развернулась и, почему-то ожидая увидеть на улице Коновалова, резко распахнула калитку.

За дверью стоял мальчик. В пыльной бейсболке, с рюкзачком за спиной.

Все еще накрученная яровизированной злостью, спросила довольно грубо:

— Тебе чего?

Мальчик смотрел в упор. Как будто был мне не по грудь, а вровень.

— Поговорить, — сказал он тихо, но с напором.

Я вскинула голову:

— О чем?

— Ты, что ли, Саша Пряхина?

— Ну я.

— Поговорить можем?

— О чем?

— Не здесь, — сказал мальчик и посмотрел через мое плечо во двор.

Я пропустила ребенка — лет одиннадцать-двенадцать — мимо себя и выглянула на улицу, в принципе ожидая увидеть компанию попрошайек возрастом постарше.

Но на улице никого не было. Только детский велосипед со снятой цепью лежал на траве.

Мальчик прошел во двор, сел на деревянные ступени крыльца и, сгорбившись, взглянул исподлобья.

— Ты Саша Пряхина? — повторил с каким-то странным напряжением в голосе.

— Я, я, — кивнула, рассматривая странного посетителя.

Из прорехи в заднике бейсболки торчал вихор темно-каштанового цвета, россыпь таких же

коричневых веснушек на носу, одежда пыльная, но, как, приглядевшись, поняла я, не из дешевых. Довольно приличный спортивный костюм, в котором мальчику явно было жарко, кроссовки «Найк» — не с китайского рынка, это точно, — и рюкзачок весьма и весьма...

Мальчик разглядывал меня внимательными серыми глазами, и взгляд его был не по-детски тяжелым. Усталым, мудрым и давящим.

— Тебе чего? — запахивая на груди пеньюар, спросила я.

— Это ты, что ли, алиби Коновалову дала? — хрипловато спросил мальчик.

Вопрос прозвучал неожиданно. Как будто мальчик бросил булыжник в мое окно, и оно рассыпалось с противным, дребезжащим, царапающим внутренности звуком.

— Ну-у-у... я, — проглотив застрявший в горле ком из битого стекла, поправила атласный поясок.

Неуютно мне становилось с этим мальчиком. Мы сразу и, скорее всего, с моей подачи перешли на «ты». Хотя по большому счету, когда всякие сопляки начинают тыкать с первой минуты, обычно по является ощущение, что мне хамят.

Но в этом мальчике чувствовалось право. В нем не было смущения перед полуголой взрослой женщиной, и вообще он был какой-то странно